

10. Щетинин М.П. Объять необъятное: Записки педагога. – М.: Педагогика, 1986. – 171 с.

References

1. Galactionova T.G., Golubev. E.B. Century of talgenism: the beginning (didactic method and life A.G. Rivin testified in the documentary. Archive Apostille, press and literature 1914-2021): Anthology. - St. Petersburg.: St. Petersburg University Publishing House, 2021. - 736 p.
2. Golubev. E.B. One denominator fragment report by N.I. Bukharin at XIII party convention of the RCP (b): talgenizm viewed by advocates and antagonists // The New History of Russia. 2022. V. 12, № 1. 185–200.
3. Diachenko V.K. Didactics: educational toolkit for the system of improving qualifications of education workers: in 2 volumes. - Moscow: Popular Education, 2006. V. 1. - 400; V. 2. - 384.
4. Diachenko V.K. Collectible evaluative learning: didactics in dialog. – Moscow: Public Education, 2004. - 352.
5. Diachenko V.K. New didactics. Moscow: Public Education, 2001. - 496.
6. Diachenko V.K. The main direction of education development in the modern world. - Moscow: School of Technology, 2005. - 512.
7. Zherdev, V.A. Conversational English for smart Russians: tutorial. Krasnodar: Prosveshchenye-Jug, 2003. 108.
8. Lebedintsev V.B. Frontal-Pair tutorials // Pedagogy. 2021. № 8. 77-86.
9. Mkrtychyan M.A. Establishment and development of secondary education // collectivist way of training: Scientific and Methodological Journal, 2007. – № 9. 3-13.
10. Schetinin M.P. Seize the unseizable: teacher's notes. Moscow, Pedagogy, 1986. 171.

УМК 811.133.1

«ДИКОПАТИЯ» И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Седых Аркадий Петрович

доктор филологический наук, профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Московский международный университет

Белгородский государственный технологический университет имени В.

Г. Шухова

Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена описанию языковой личности французского филолога Жана Прюво. Рассматривается концепт «дикопат», отражающий существенные характеристики мировосприятия и профессиональной компетенции лексикографа. Описывается жизненный и научный путь учёного. Раскрываются эволюция и перспективы развития французского языка и франкофонии.

Ключевые слова: языковая личность, французская филология, лексикография, дикопатия, франкофония.

«DICOPATHY» AND THE FRENCH LANGUAGE

Arkadiy SEDYKH

Doctor of philological sciences, professor

Belgorod State National Research University

Moscow International University

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the description of the linguistic personality of the French philologist Jean Pruvost. The concept of «dicopathy» is considered, which reflects the essential characteristics of the worldview and professional competence of the lexicographer. The life and

scientific path of the scientist is described. The evolution and development prospects of the French language and Francophonie are revealed.

Keywords: linguistic personality, French philology, lexicography, dicopathy, Francophonie.

«Дикопатия» к сожалению является редким заболеванием со «странными» симптомами. Дикопат – это человек, пораженный неизлечимой страстью к словарям и не желающий излечиться от нее. Хуже того, он хочет заразить как можно больше людей. Вот, например «печальная правда» от Жана Прюво, великого учёного современности, неумолимого лексикографа, прекрасного человека, моего друга, и который «страдает» дикопатией, называя себя дикопатом¹.

У Жана Прюво более 10 000 словарей, и ему пришлось снимать соседнюю квартиру, чтобы хранить их. Дикопат – это еще и человек, который мечтает объявить, что правильное определение такого слова можно найти в X-словаре 1922 года издания, и которому иногда это удается... Другими словами, он любитель слов, словом, он, как и все французы, «лексикофил» [2].

Жан Прюво вспоминал о том, что свой первый словарь *Larousse* большого формата ему подарили ещё в детские годы. Затем он встретил необыкновенного человека, Бернара Кеада, который преподавал историю словарей в университете. Под его руководством Прюво защитил степень магистра, а в дальнейшем и докторскую диссертацию. Бернар Кеада был во главе Высшего совета французского языка. Он руководил «*Trésor de la langue française*», монументальной работой, с которой приглашаю всех ознакомиться в Интернете.

Каждый год весной проходит Неделя французского языка и франкофонии (*La Semaine de la langue française et de la Francophonie*). С 1994 года Жан Прюво флагманский проект «День словарей» (*Journée des Dictionnaires*). Приведём лишь некоторые из тем форума, в котором принимал участие автор этих строк:

1. «Юмор и Настроение» (*Humour et Humeur*). Прошли дискуссии о причудливых, забавных, необычных словарях, таких как сборник «Любовных словарей», «Словарь слов, которые не существуют», но которыми мы все равно пользуемся, «Словарь прославленных собак для употребления культурными хозяевами»... Одна из задач была – «вырвать» словари из их серьезного или «отталкивающего» образа [2].

2. «Новые слова» (*Les mots nouveaux...*). Тематика касалась «вечного» обновления национальных языков в рамках неологизации лексического состава. Большое внимание уделялось заимствованиям, как одним из источников обогащения «словарного арсенала языков» [1].

Однажды мы обсуждали тему, которую можно сформулировать так: *Являются ли словари французской страстью?*

По мнению Жана Прюво словари не только французская страсть, но и британская. Но за Ла-Маншем предпочтение чаще отдается энциклопедии. Франции посчастливилось получить выгоду от динамичных государственных и частных спонсоров в этом плане. Что касается институциональной стороны, то, прежде всего это Французская академия, чью важную роль в служении нашему языку невозможно переоценить. Созданная в 1635 году кардиналом Ришелье, она опубликовала свой первый словарь в 1694 году: два тома и 18 000 слов. Четырнадцатью годами ранее появился *Dictionnaire françois* Пьера Ришеле, а в 1690 году *Dictionnaire Universelle* Антуана Фюретьера. Эти три словаря до сегодняшнего дня вдохновляют большую часть лексикографической продукции знаменитые словари: *Laruss*, *Lumtre*, *Le Robert*, Это настоящее сокровище французского языка.

Конечно, не был обойдён и вопрос «*Как поживает французский язык?*».

¹ Используются материалы сайтов: <https://www.jeanpruvost.com/>; https://www.lexpress.fr/culture/livre/jean-pruvost-la-langue-francaise-se-porte-joyeusement_1499448.html

Жан Прюво дословно ответил: «Радостно!». По его мнению, французский язык постоянно обогащается лексикой средств массовой информации, литературой и дискурсом франкоговорящих стран. Это очень важно. «Язык, не знающий никакой формы неологии, уже был бы мертвым языком», – сказал Бернар Кемада. Именно в печатной прессе и аудиовизуальных средствах массовой информации, местах постоянных дебатов и наблюдений за актуальностью, которую необходимо обозначить, рождается больше всего неологизмов.

Некоторые примеры неологизмов, отмеченные в последние годы: «биотерроризм» (*bioterrorisme*), «совместное использование автомобилей» (*covoiturage*), «танкер-химовоз» (*chimiquier*), «моральное преследование» (*harcèlement moral*). Неологизмы «рассказывают» историю общества. 1960-е, рок и поп культура, – это англицизмы («*boots*», «*brushing*»). 1970-е были полны аббревиатур и акронимов («экологический», «гипер», «мачо», «органический» = *écolo, hyper, macho, bio*). 1980-е «приехали» на суффиксе «*tique*» («офисная автоматизация», «домашняя автоматизация» = *bureautique, domotique*).

Франкофония привносит свою долю инноваций. Французский язык обязан бельгийцам словом «фриголит» (*frigolite*) – белой пеной на основе полистирола, используемой в качестве теплоизоляции и упаковки, — и «препенсией» (*préension*) — повышенным пособием по безработице, выплачиваемым работникам, уволенным после достижения определенного возраста. Для квебекцев «чулки» (*bas-culotte*) — эквивалент колготок во Франции. Для сенегальца «атмосферник» (*ambianceur*) – «разогреватель» зала, аниматор и, соответственно, тусовщик.

Как неологизм вписывается в общеупотребительный язык?

Это роль лексикографов – лиц, ответственных за написание словарей, – и официальных органов, Высшего совета по французскому языку, Генеральной делегации по французскому языку и языкам Франции: перечислять, сортировать, определять, узаконивать, интегрироваться в языковое наследие.

Не рискуем ли мы участвовать в гонке за новизной?

На самом деле необходимо проявлять «просвещенный консерватизм», чтобы не дать ускользнуть старому языку. Надо во чтобы то не стало вернуть «историю» словам. Помните, что «книготорговец», эта чудесная профессия, происходит от латинского *liber*, кора дерева, на котором писали, что это же слово относилось к идее библиотеки, столь дорогой Монтеню, прежде чем мы дошли до просвещенной продажа книг. Помните, что изначально «воробей» (*moineau*) — это маленький монах с пухлым животом, и именно эта характеристика лежит в основе названия птицы.

Интересно мнение Жана Прюво по поводу злоупотребления англицизмами и эвфемизмами («*sponsor*» вместо «*soutien financier*», «*coach*» вместо «*entraîneur*»). Это причуда. К этому следует добавить эвфемизмы «слабовидящие» (*malvoyant*), «слабослышащие» (*malentendant*) и «MST», заменяющие «слепой» (*aveugle*), «глухой» (*sourd*) и «венерические заболевания» (*maladie sexuellement transmissible*). Потому что иногда мы создаем слово, чтобы отметить изменение мышления, переход от суждения к наблюдению. Мы заменяем «девушка-мать» (*fille mère*) на «мать-одиночка» (*mère célibataire*), «девушка-подопечная» (*fille de salle*) на «воспитатель» (*aide-soignante*).

Жан Прюво подчеркивает роль писателей в обновлении французского языка. Иногда больше: через политические, ангажированные действия. Вслед за указом Виллер-Котре от 1539 года, который установил французский язык в качестве языка короля Франциска I и государства, поэты «Плеяды» под руководством Ронсара и Дю Белле опубликовали *Défense et illustration de la langue française*. Они начали создавать слова с целью превратить «вульгарный» язык в автономный и элегантный язык, подобный итальянскому, который сумел дистанцироваться от латыни. Писать стихи на прекрасном французском языке, как это делал до них Петрарка на итальянском заальпийском языке. С этого периода остались некоторые новые слова — «кисло-сладкий» — хотя большинство

из них исчезло: «*porte-laine*» (овца), «*porte-nues*» (небо)... это был изящный и плодотворный язык, который породил вундеркинда словесного изобретения: Рабле.

Но не каждый век так плодovit и щедр. Следующий, XVII век, — век сильной, затем абсолютной монархии, централизации, Людовика XIII и Ришелье, затем Людовика XIV и, следовательно, Французской академии. Писатели, Расин, Корнель, Босуэ, Буало... договариваются встретиться, чтобы исправить язык в словарях. Это время рационализации, стандартизации, доктрины «точного употребления» (*bon usage*). Любой неологизм подозревается в вырождении языка.

Возможно, французский язык подвержен маятниковому движению между обогащением и кодификацией?

По мнению лексикографа эти два явления происходят одновременно. В то время как Французская академия регулирует, Скаррон внедряет новшества в бурлескный неологизм с «*se grouiller*» и «*grosse dondon*», прециозные салоны, куда приходят мадам де Севинье и мадам де Лафайет, создают «неоспоримый» (*incontestable*), «анонимный» (*anonyme*), «восторженный» (*enthousiaste*). В XVIII веке мы старались сохранить классический язык, делали вид, что опасаемся неологизмов, при этом черпая из философской и английской политической лексики: «бюджет» (*budget*), «клуб» (*club*). Настоящее освобождение лексики происходит только при романтизме.

Это период открытости к иностранным языкам, в частности с Востока, к сленгу, к крылатым выражениям. Французский язык «разделяет» и смешивает жанры. Сюда ходит даже Шатобриан со своим «паладинажем» (постоянная щедрость = *paladinage*) и Бальзак со своей «витулиновой фигурой» (от латинского слова *vitulus* [теленок] = *figure vituline*). Это движение растет и украшается натурализмом – Золя во что бы то ни стало, заимствует технические термины – парнасцы, символисты... До 20-го века с сюрреалистами, Селин, Виан, Мишо...

Конечно, начиная со слова «сюрреалист», которым мы обязаны Аполлинеру, но в этом перечислении можно отметить и творчество Фредерика Дара. «Будущее языка – это я», – восклицает Сан-Антонио в одном из своих романов. Дар «апепрессирует» (*apeuprèse*) и «нежничает» (*tendresse*) с языком. Он использует «300 французских слов» и изобретает все остальные, то есть более 15 000 слов, самые «вкусные» из которых входят в словарь Сан-Антонио (1998). Это свободный французский язык, без предрассудков и стеснения.

О влиянии интернета на французский язык.

Во-первых, меняется скорость обращения слов. За несколько дней неологизм облетает франкоязычную планету, тогда как раньше на его укоренение уходили годы. Но, опять же, учреждения, начиная со школ, прессы и лексикографов, должны определить этот приток, потому что в Интернете «лучшие» часто общаются с «худшими».

Интересное явление французского узуса «*contrepèterie*». Жан Прюво считает этот феномен чисто французским представителем игры слов.

Во французском языке мало ударений, в отличие, например, от английского, где музыкальность важна для понимания. Французские слова можно представить себе как последовательность слогов, которые мы с детства учимся обрабатывать, переключивать с помощью детских стишков, что является отличной подготовкой к играм со словами. Отсюда интерес к теме в рамках *Semaine de la langue française*: лексическое творчество. Во взрослом возрасте использование *contrepèterie* становится показателем совершенного владения языком, признаком статуса. Вот почему некоторые политики считают обязательным его использование. Это, конечно, часто очень вульгарно, но в конкретном контексте довольно забавно.

Таким образом, французский язык и французская лексикография продолжают активно развиваться и будут эволюционировать в позитивном и креативном аспекте. Немаловажную роль в развитии французского языка играют не только лингвисты, лексикографы, но и писатели, которые обогащают язык Флобера и Мопассана

неологизмами и новыми лексико-семантическими и лексико-тематическими шедеврами. При этом простые носители французского языка вносят свой вклад, используя языковую игру и другие виды лексического словотворчества.

Литература

1. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998. 160.
2. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород, «Эпицентр», 2022. 152.
3. Jean Pruvost: «La langue française se porte joyeusement» URL: https://www.lexpress.fr/culture/livre/jean-pruvost-la-langue-francaise-se-porte-joyeusement_1499448.html (Date d'accès 23.11.2022).

References

1. Sedykh A.P. (1998) *Kontekst. Znak. Obraz* [Context. Sign. Image]. Belgorod: BGU. 160.
2. Sedykh A.P. (2022) *Jazyk, kul'tura, komunikacija: francuzskij mir (monografija)* [Language, culture, communication: the French world]. Belgorod, «Epicentr», 152.
3. Jean Pruvost: «La langue française se porte joyeusement» URL: https://www.lexpress.fr/culture/livre/jean-pruvost-la-langue-francaise-se-porte-joyeusement_1499448.html (Date d'accès 23.11.2022).